

Анатолий Аврус, Анна Голосеева

Книга о советском «поколении Спутника»*

Anatoliy Avrus (Saratov, Russia),

Anna Goloseyeva (Russian State University for the Humanities, Moscow)

The Book about Soviet Sputnik generation

Издательство «НЛЮ» выпустило в свет книгу известного американского историка-русиста Дональда Рейли «Советские бэйби-бумеры. Послевоенное поколение рассказывает о себе и своей стране». Д. Рейли — профессор Университета Северной Каролины (г. Чапел-Хилл), ученик профессора Университета Индианы Александра Рабиновича. Ещё обучаясь в аспирантуре (1970-е гг.), он обратился к изучению событий, происходивших в Саратовской губ. в 1917 г. С тех пор регион и его жители остаются одной из главных тем его научных изысканий¹. Получив возможность посещать Саратов и изучать местные архивы в 1990-е гг., он в течение более 15 лет кропотливо собирал интересующий его материал.

В начале 2000-х гг. Рейли начал работать над новым сюжетом — устной историей поколения, окончившего среднюю школу в 1967 г. и образно названного им «поколением Спутника» (сам учёный является его ровесником). Авторская задумка заключалась в том, чтобы с помощью интервью проследить жизненный путь выпускников нескольких советских школ на протяжении десятилетий и выяснить, что его определило, какую роль в этом сыграли школа, родители, друзья, общая атмосфера в стране и т.п. Интересовало исследователя и то, как бывшие школьники воспринимали текущие события и коренные перемены, произошедшие в Советском Союзе и в Российской Федерации на протяжении их жизни. Результатом исследования стали две монографии², последняя из которых переведена на русский язык и является объектом данной рецензии.

Книга необычна по структуре и оригинальна по содержанию. В течение не-

скольких лет Рейли брал интервью у выпускников 20-й московской и 42-й саратовской школ (обе с углублённым изучением английского языка), а также у двух учеников, покинувших последнюю до окончания. Всего информантами стали 31 человек из 42-й школы (свыше 50% выпуска) и 29 из 20-й школы (35%). Из числа саратовцев были опрошены 13 мужчин и 18 женщин. Абсолютное большинство происходило из семей интеллигенции (родители — преподаватели, научные работники, инженеры); у троих отцы были партийными работниками, у одного — военнослужащий, двое — из рабочих семей. Среди москвичей опрошено 18 мужчин и 11 женщин. Среди них не было «пролетариев», напротив — в числе информантов внук А.И. Микояна, сын народного артиста СССР М.И. Прудкина; трое происходили из семей военнослужащих.

Все опрошенные москвичи и саратовцы успешно окончили школы, а затем получили высшее образование. В выборе ими высших учебных заведений заметны довольно большие различия: так, примерно опрошенных саратовцев (почти 25%) выбрали своей профессией медицину, а из москвичей — только один. Больше среди саратовцев преподавателей и научных работников (в области физики и математики). Среди москвичей же несколько выпускников закончили МГИМО и перешли на дипломатическую работу. Интересно, что поступивших на факультеты иностранных языков в Саратове больше, чем в Москве, половина из окончивших 42-ю школу всю жизнь занималась преподавательской деятельностью (в основном учили студентов и школьников английскому языку). Среди москвичей таких единицы.

* Рейли Д. Советские бэйби-бумеры. Послевоенное поколение рассказывает о себе и о своей стране / Пер. с англ. Т. Эйдельман. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 544 с., ил.

2 саратовцев и 6 москвичей в постсоветский период занялись бизнесом. В эмиграции оказалось 6 человек из саратовской школы (3 в США, по одному в ФРГ, Нидерландах, Израиле), из московской таких 10 (большинство в США).

Рейли использовал методику устной истории. Интервью продолжались от 1 до 3 ч и проходили в форме свободного диалога с записью на диктофон. Проводились они при личных встречах в Москве, Саратове, городах США, а с эмигрантами в Израиле и на Кипре – по телефону. Следует отметить, что 10 интервьюируемых попросили сохранить их инкогнито.

Автор книги стремился узнать не только о школьных годах, но обо всех этапах пройденного его визави жизненного пути, о том, какую роль сыграла школа, насколько пригодились полученные в ней знания. Не ограничиваясь этим, Рейли старался выявить источники формирования мировоззрения людей, которых он по аналогии с американским поколением назвал «бэйби-бумерами»³. «Чтобы осознать, что значит “жить по-советски” в условиях холодной войны, – пишет исследователь, – я стремился ответить на пять главных вопросов. Кто и что определило мировоззрение поколения холодной войны во время их взросления? Что мы можем узнать из историй их жизни о “советской мечте” и особенно о всё более усиливавшемся после 1945 года интересе к частной жизни, об ослаблении марксистской идеологии и о судьбе Советского Союза? Как они преодолевали трудности сложного процесса перехода к постсоветской России, который последовал за крахом коммунизма в 1991 году? Каким образом их жизненный опыт воспроизводит и одновременно трансформирует российское общество эпохи холодной войны и после неё. Другими словами, каким образом их личные истории помогают нам понять процесс передачи культурного наследия от одного поколения к другому?.. Чем воспоминания тех, кто вырос в Москве, отличаются от тех, чьё детство прошло в закрытом для иностранцев, а значит, и для многих непосредственных проявлений иностранного влияния провинциальном городе?» (с. 15). Доброжелательность профессора, хорошее знание русского языка, умение «разговорить» каждого интервьюируемо-

го, работоспособность, тщательная подготовка к каждой встрече – всё это позволило получить обширный уникальный материал для ответов на поставленные вопросы.

Несомненной удачей Рейли стало то, что он избрал объектом исследования не только столичную школу, но и провинциальную (да ещё в «закрытом городе»). Благодаря этому удалось выявить существенные различия в положении москвичей и саратовцев (прежде всего в отношении открытости и закрытости к внешнему миру), что, несомненно, сказалось на формировании их мировоззрения. В то же время на всём протяжении работы подчёркивается, что в главном (в первую очередь в восприятии своей страны, её порядков) москвичи и саратовцы были близки, все они – советские люди, среди них не было диссидентов.

Конечно, автор книги прекрасно понимал (и часто напоминает об этом в тексте), что интервьюируемые учились в элитных школах, их родители в абсолютном большинстве принадлежали к интеллектуальному слою советского общества, среде партийных функционеров, офицеров достаточно высокого ранга. Поэтому получился срез не всего общества, а только части его. Однако, по мнению Д. Рейли, именно она сыграла немаловажную роль в событиях перестройки и постсоветского периода благодаря своему хорошему образованию, знанию английского языка, лучшему знакомству с жизнью за рубежом, более критичному отношению к перспективам построения коммунистического общества.

Помимо исторической ценности книга Рейли представляет несомненный интерес для социологов и антропологов культуры. На примере высказываний информантов автор показывает, как общество трансформировалось под воздействием политических и ценностных изменений. Примечательно, что многие представления и социальные практики, о которых рассказывают герои книги, не вызывают у них потребности в немедленной и радикальной переоценке всего личного опыта проживания в уже не существующей стране. Они скорее наслаиваются на актуальный опыт и новые обстоятельства жизни, независимо от того, живёт человек в России или эмигрировал.

Следует отметить, что автор прослеживает эволюцию взглядов конкретных людей на достаточно большом хронологическом отрезке времени. Читатель может понять, какие факторы повлияли на изменение ими оценок тех или иных событий своей жизни или, наоборот, на сохранение прежнего отношения к прошлому. Надо иметь в виду, что ретроспективный взгляд интервьюируемых на собственное прошлое не является результатом глубоких рефлексий и раздумий. Мы имеем дело лишь с воспоминаниями, которые «всплывают» в памяти в процессе беседы и носят довольно случайный характер. Здесь важнее всего спонтанная, эмоциональная реакция на личную историю, попытка взглянуть на себя с определённой дистанции. В конечном счёте герои книги создают собственную мифологию исторического прошлого. Этот факт представляет большой научный интерес.

Что же определило мировоззрение советских «бэйби-бумеров»? Их рассказы о своём детстве и школьных годах позволили автору сделать вывод о значительной роли семьи, причём нередко бабушки и (особенно) дедушки играли даже большую роль, чем родители. Почти у всех хотя бы один из родителей состоял в партии, не случайно выпускники обеих школ были комсомольцами, а значительная часть затем вступила в КПСС, причём, как признавались сами интервьюируемые, многие это делали из карьерных соображений. Интересно отметить, что никто из выпускников не назвал себя идейным коммунистом, но некоторые отмечали, что таковыми были их дедушки, бабушки и родители.

У некоторых «бэйби-бумеров» бабушки оставались религиозными, хотя никто из них не был фанатично предан какой-либо конфессии. Определённое религиозное влияние оказывали в семьях, в основном московских, няни, приехавшие из сельской местности. Некоторые интервьюируемые сами в раннем детстве были крещены, часто в тайне от родителей, однако о своей принадлежности к религии не вспоминали почти до конца перестройки. Рейли справедливо отмечает слабую религиозность населения Советской России, поэтому вряд ли можно согласиться с его же выводом в первой главе, что

наличие в речи оборотов типа «Господи помоги» или «Боже мой» свидетельствует о религиозности. Чаще всего это были просто речевые штампы.

Ещё одним фактором, оказавшим влияние на формирование «поколения Спутника», была коммунистическая пропаганда, которая обрушивалась на детей уже в детском саду и усиливалась в студенческие годы. Однако любопытно: большинство опрошенных отмечало, что для преподавателей, особенно английского языка, она была на заднем плане, своей главной задачей они считали научить школьников иностранному языку, воспитать из них людей европейской культуры. По мере взросления, уже в старших классах, а затем в вузах и на работе, «бэйби-бумеры» всё более скептически воспринимали то, что им преподносила пропаганда, всё чаще слушали зарубежные радиостанции (в этом им помогало знание английского), встречались с иностранцами и выезжали за рубеж (в том числе и в капиталистические страны), проникались мыслью «вот бы нам так “загнивать”». Рейли отмечает, что в этом москвичи имели явное преимущество перед саратовцами из-за закрытости города.

Выпускники 1967 г. признавались, что на формирование их мировоззрения оказали влияние все значимые для страны события времени их взросления: с одной стороны, полёт Гагарина в космос, успехи советских учёных в области математики и естественных наук, улучшение социальной обеспеченности советских граждан, с другой — подавление социализма «с человеческим лицом» в Чехословакии, ввод советских войск в Афганистан. Они не могли не замечать маразма советских лидеров, разницы в качестве жизни в СССР и за рубежом (даже в странах социалистического лагеря, таких, как ГДР, Чехословакия, Венгрия). Отсюда двойственность сознания: фактически все они — патриоты России и многие из них испытывают ностальгию по брежневскому времени, но в то же время сумели найти себя в условиях постсоветской эпохи и не мыслят возврата к советскому прошлому.

Интересно отметить, что «поколение Спутника» неоднозначно оценивало советских и постсоветских лидеров: Хрущёва, Брежнева, Андропова, Горбачёва,

Ельцина, Путина. Только Черненко получил однозначно негативную оценку. В деятельности остальных практически все опрошенные видели и позитивные, и негативные результаты. Оценки деятельности Путина давались в основном по итогам первого срока его президентства, отмечалось, что в стране наступила стабильность, начался подъём экономики, вырос уровень жизни значительной части населения. Несмотря на критические замечания по поводу деятельности и поведения Горбачёва и Ельцина, в целом поколение «бэйби-бумеров» поддерживало их курс на демонтаж советской системы и переход к рыночной экономике. В этом выпускники элитных школ, более подготовленные к жизни в новых условиях, явно отличаются от большинства российского населения, оценивающего этих двух лидеров резко отрицательно.

Интервью показывают, что все опрошенные со школьных лет отрицательно воспринимали деятельность Сталина, но долгие годы верили мифу о «добром дедушке Ленине». Правда, как кажется, разочарование в Ленине наступило позже, чем на то указывают интервьюируемые. На этом примере можно наблюдать механизм действия такого явления, как абберация памяти.

«Поколение Спутника» вступало в жизнь в эпоху, когда на Западе активно развивалась молодёжная контркультура. Она опосредованно воздействовала на советских учащихся. Все признали, какое огромное влияние оказало на них творчество «битлов», а затем и других зарубежных музыкальных групп. Совместное прослушивание труднодоступных в СССР западных песен являлось важным культурным маркером, определявшим принадлежность к избранным, «своим», в противовес остальной массе населения. Более того, таким образом некоторая часть советской молодёжи могла ощутить единство с мировой молодёжной культурой и образом жизни в обход политических и идеологических границ. Рейли делает вывод о революционном значении для складывания мировоззрения молодёжи появления магнитофонов, позволявших записывать и распространять то, что запрещала цензура.

Интересные результаты получены автором при изучении отношения интервьюируемых к национальным проблемам в СССР. Здесь на первое место вышел «еврейский вопрос», так как в исследуемых школах только две национальности были представлены массово: русские и евреи. Последние составляли значительный процент учащихся: в московской школе у 50% выпускников были еврейские корни, а в саратовской — у 18%. В саратовской школе также заметный процент составляли дети, происходившие из татар и немцев Поволжья. Правда, в школьные годы ученики не знали, к какой национальности кто принадлежал. Часто о происхождении становилось известно лишь в перестроечные времена (и не только о национальном, но и о сословном). С серьёзными ограничениями выпускники впервые сталкивались при поступлении в вузы, когда часть абитуриентов отсеивалась из-за «пятой графы». Рейли делает вывод, что в 1960–1970-е гг. государственный антисемитизм в Советском Союзе был сильнее, чем бытовой.

Автору монографии удалось встретиться и побеседовать с рядом выпускников 1967 г., которые в период перестройки и позднее эмигрировали из СССР и РФ. Любопытно, что в отличие от прошлых волн эмигрантов «бэйби-бумеры» в качестве причин отъезда часто называли экономический фактор или возможность получения интересной работы. На политические же преследования не ссылались никто. Из эмигрантов еврейского происхождения только один саратовец оказался в Израиле. При этом все уехавшие сохранили российское гражданство, некоторые даже впоследствии вернулись домой, большинство приезжает на родину и подчёркивает: они могут вернуться в любой момент, никто их не преследовал при отъезде и никто не препятствует возвращению. Рейли считает такое положение одним из ярких проявлений перемен, произошедших в стране, доказательством успехов в деле демократизации России.

Много внимания автор уделил отношениям поколения выпускников с их детьми и получил любопытные результаты. Выяснилось, что большинство «бэйби-бумеров» имеет семьи, но многие состояли на момент интервью во втором

браке. У большинства были дети, но чаще всего один ребёнок. Они не слишком близки с собственными детьми, называют их «другим поколением», лишённым многих черт советских людей: они более раскованны, открыты, лишены страхов, присущих предшественникам, меньше интересуются политикой, больше семьёй и карьерой. Рейли выявил интересную закономерность: осуждая современную молодёжь в целом, «поколение Спутника» очень хвалит своих собственных детей, даже не всегда понимая их устремления.

Беседуя с выпускниками, учёный выяснил, что знания, полученные в школе и вузе (особенно по английскому языку), воспитание в семье, поддержка школьных друзей — всё это помогло исследуемому поколению пережить перестройку и трудные 1990-е гг., вписаться в новые общественные и экономические отношения. Почти все московские интервьюируемые вступили в пенсионный возраст с сознанием того, что они не даром прожили жизнь, что им многое удалось сделать из задуманного, что их не сломили многочисленные трудности на жизненном пути. Сложнее с этим аспектом у саратовцев, так как среди них было больше преподавателей вузов, особенно пострадавших в материальном отношении и из-за снижения авторитета профессии.

Рейли интересовали такие стороны бытовой жизни его героев, как отношение к курению, наркотикам, алкоголю, сексу. Выяснилось, что в школьном возрасте большинство юношей начинало курить, но почти все затем прекратили. Среди девушек таких было немного. С алкоголем практически все также познакомились в школьные годы, некоторые даже злоупотребляли, но опасной эта привычка стала только у одного. Насколько можно понять из интервью, в те годы наркотики не имели хождения в советских школах. Что касается секса, то многие интервьюируемые отмечают, что в их школьные годы это было редким явлением, думают, что некоторые юноши и девушки на самом деле просто болтали о своих сексуальных подвигах, а на деле сохраняли девственность до окончания школы. Интересные сведения получил интервьюер от опрошенных по вопросу о соприкосновении в школьные годы с криминальным миром.

Оказалось, что некоторые саратовские школьники в дворовых компаниях знали местных авторитетов криминального мира и даже иногда пользовались их покровительством. Среди москвичей таких не нашлось.

Судя по тону, каким написана книга, и сделанным в ней выводам, автор безусловно испытывает симпатию к нашей стране и её жителям, стремится понять их, выявить предпочтения, разобраться в поведении. Он видит трудности на пути России к обществу рыночной экономики и демократии, но не даёт рецептов их преодоления. Однако он верит, что Россия сумеет выйти из кризисного состояния. Главная идея автора, проходящая через всю работу, состоит в том, что, несмотря на 40 лет развития в мирной обстановке и условиях относительной стабильности, «поколение Спутника» не только эволюционировало, но и революционизировалось. Поэтому оно не растерялось при распаде СССР и сумело воспринять новое состояние общественных отношений.

Несмотря на все свои достоинства, труд не лишён недостатков. Прежде всего, некоторые выводы автора носят слишком обобщающий характер — видимо, порой он забывает, что исследовал только небольшой срез советского общества. В книге часто подчёркивается, что интервьюируемые имели лучшую подготовку, чем выпускники других школ Москвы и Саратова. Но это относилось только к знанию английского языка. Существовавшие уже в то время физико-математические школы давали более фундаментальные знания по профильным предметам. Во введении автор очень удачно провёл сравнение советских и американских школьников и атмосферы в учебных заведениях, но в главах почти отказался от этого приёма, чем, на наш взгляд, снизил уровень работы. Высказывания интервьюируемых использованы для заголовков глав и подглав в целом удачно, но они не всегда отвечают содержанию. Например, заголовок одной подглавы в 3-й главе звучит так: «Мы были циничным поколением», но это мнение только одного опрошиваемого, его нельзя распространять на всех.

Есть в книге и отдельные фактические неточности: в 1946 г. партия называлась ВКП(б), а не КПСС (с. 18); неверно, что все, поступавшие в вузы, должны были быть

комсомольцами (с. 153); вызывает сомнение вывод о том, что время от Сталина до Горбачёва — период стабильности (с. 233); сам Горбачёв был не министром сельского хозяйства, а секретарём ЦК КПСС, ответственным за эту сферу (с. 382).

Однако в целом мы высоко оцениваем труд нашего американского коллеги и желаем ему новых успехов на научном поприще. Книга должна, по нашему мнению, побудить отечественных историков и социологов заняться изучением с помощью методики устной истории других слоёв российского общества, чтобы получить максимально широкую картину сдвигов, происходивших в сознании советских людей в эпоху позднего социализма и перестройки.

Примечания

¹ См.: *Raleigh D.J. Revolution on the Volga: 1917 in Saratov*. Ithaca, 1986 (русское издание: *Рейли Д.Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 в Саратове*. Саратов, 1995); *idem. Experiencing Russia's Civil War: Politic, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922*. Princeton; Oxford, 2002.

² *Raleigh D.J. Russia's Sputnik Generation: Soviet Baby Boomers Talk About Their Lives*. Bloomington, 2006; *idem. Soviet Baby Boomers. An Oral History of Russia's Cold War Generation*. Oxford, 2012.

³ Бэйби-бумеры от английского «baby-boom» — компенсационное увеличение рождаемости, обычно наступающее после войны. Впервые этот термин был применён к американскому поколению, родившемуся во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг.

Евгений Кодин

Рец. на: Sheila Fitzpatrick. A Spy in the Archives: A Memoir of Cold War Russia. L.; N.Y.: I.B. Tauris & Co Ltd, 2014. 346 p.*

Evgeny Kodin

(Smolensk State University, Russia)

Rec. ad op.: Sheila Fitzpatrick. A Spy in the Archives: A Memoir of Cold War Russia. L.; N.Y.: I.B. Tauris & Co Ltd, 2014

В 2003 г. в Нью-Йорке вышел сборник воспоминаний американских историков об их приключениях во время посещения России (Советского Союза)¹. Двадцать авторов (в том числе Н.В. Рязановский, написавший учебник по российской истории, шесть раз издававшийся в США) представили читателю очерки с интересными, по их мнению, сюжетами о пребывании в нашей стране во время изысканий в её архивах и библиотеках.

Шейлы Фицпатрик среди них не было: возможно, потому, что её, выросшую в Мельбурне (Австралия), получившую образование и степень в Англии, работавшую в университетах США и вновь вернувшуюся на историческую родину, трудно отнести к

американским историкам. Однако в стороне от увлекательного жанра воспоминаний о далёком советском опыте она не осталась. В 2007 г. она рассказала о своих «первых шагах по российским архивам» в интервью редактору журнала «Критика...»², через несколько лет издала рецензируемую работу «Шпион в архивах...», а затем представила ту же тему в одной из статей³.

По поводу общей оценки замысла и содержания книги важно следующее: хотя она адресована западному учёному сообществу, но более полезной будет для российского читателя. Это издание — памятник советской эпохе полного недоверия, сокрытия тайн, недопущения к архивным материалам не только иностранных, но и отечественных исследователей, вселился

* *Фицпатрик Ш. Шпион в архивах: воспоминания о России эпохи холодной войны*. Лондон; Нью-Йорк: I.B. Tauris & Co Ltd, 2014. 346 с.